

Научная статья

УДК 94(510).09:2

DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-1-108-119

Практики взаимодействия мусульманских общин Степного края с органами государственной власти (вторая половина XIX – начало XX века)

Юлия Александровна Лысенко

Алтайский государственный университет
Барнаул, Россия

iulia_199674@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1088-3578>

Аннотация

Анализируются практики коммуникации мусульманских общин Степного края с органами власти Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. Источниками исследования выступили материалы делопроизводства, выявленные в ЦГА РК и РГИА. Отмечается, что в компетенцию властных структур входили вопросы открытия мечетей, мектебов, религиозных обществ, паломничества к святым местам. Их решение осуществлялось на основе подачи казахами-мусульманами прошений или ходатайств. В начале XX в. казахские общины продвигали вопрос об открытии Духовного мусульманского правления в Степном крае. Механизмы его решения стали петиционные кампании, Особые и Частные межведомственные совещания с участием представителей казахов-мусульман.

Ключевые слова

Российская империя, Степной край, власть, мусульманские общества, коммуникации, этноконфессиональная политика

Благодарности

Работа выполнена за счет средств гранта РНФ (проект № 23-28-01369)

Для цитирования

Лысенко Ю. А. Практики взаимодействия мусульманских общин Степного края с органами государственной власти (вторая половина XIX – начало XX века) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 1: История. С. 108–119. DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-1-108-119

Practices of the Interaction of Muslim Communities of the Steppes with the Government (The 2nd Half of the 19th – Early 20th Century)

Yuliya A. Lysenko

Altai State University
Barnaul, Russian Federation

iulia_199674@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1088-3578>

Abstract

Based on the records of the central and local government of the Russian Empire, stored in the Central State Archive of the Republic of Kazakhstan and Russian State Historical Archive, the article analyzes the aspects and practices of interaction between the authorities and Muslim communities of the Steppe Region in the 2nd half of the 19th – early

© Лысенко Ю. А., 2024

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 1: История. С. 108–119

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2024, vol. 23, no. 1: History, pp. 108–119

20th century. Unlike the Orthodox population living in this administrative-territorial division, whose spiritual life was controlled by the officials assigned by the Holy Synod, Muslims were in the jurisdiction of the Ministry of Internal Affairs. Hence, the regional administration and several central ministries were directly involved in solving the problems of the spiritual life of Muslims of the Steppes. The competence of these authorities included establishing new parish organizations and constructing the worship places, founding confessional schools and religious and charitable societies, and organizing the believers' pilgrimage to holy places. The legislation regulating the decision-making process for such tasks required submitting a petition to the local authorities, followed by their step-by-step consideration and then resolution. The central aspect of communication between the governing bodies and the Muslim communities was the establishment of the Spiritual Board in the Steppe region. The Kazakh population filed countless petitions to the central government during the first Russian Revolution of 1905–1907. As a result of the petition campaign, the practice of holding special and private meetings with the participation of representatives from authorities and Muslim communities of the region emerged. As sources evidence, when making decisions concerning the Muslims of the Steppe Region, local administrations relied on the trends in ethno-confessional policy implemented by the central government. Therefore, quite often, outcomes did not benefit the local Muslim population. However, in other aspects, the communication between the authorities and the Muslim communities can be characterized as constructive.

Keywords

Russian Empire, Governor-Generalship of the Steppes, power, Muslim societies, communications, ethno-confessional policy

Acknowledgements

The research is supported by a grant from the Russian Science Foundation, project no. 23-28-01369

For citation

Lysenko Yu. A. Practices of the Interaction of Muslim Communities of the Steppes with the Government (The 2nd Half of the 19th – Early 20th Century). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2024, vol. 23, no. 1: History, pp. 108–119. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-1-108-119

Как известно, реформы 60–80 гг. XIX в. в Российской империи сопровождались усилением социальной мобильности населения, активизацией и политизацией общественной жизни, формированием элементов гражданского общества – партий и объединений. Активное участие в данных процессах принимали этноконфессиональные группы страны. Следствием становилось усложнение практики коммуникации власти и общества, направленных на конструктивное решение тех или иных проблем.

Степной край, присоединение которого к России завершалось в 60-е гг. XIX в., включался в орбиту имперских социальных трансформаций. При этом следует отметить, что в регионе преобладало мусульманское население, представленное казахами, татарами, башкирами и некоторыми другими этносами. По данным первой всероссийской переписи 1897 г., в Уральской области удельный вес мусульман от общей численности населения составлял 74,15 %, в Тургайской – 90,99 %, Акмолинской – 64,43 %, Семипалатинской – 89,71 %¹. Поэтому «исламский вопрос» являлся одним из приоритетных в системе администрирования Степного края.

В рамках Временного положения об управлении в степных областях 1868 г. была сформирована специфическая модель регулирования жизни мусульманских общин Степного края. Так, татарские общества данного региона остались в юрисдикции Оренбургского мусульманского духовного собрания – общеимперского органа управления мусульманским населением страны, созданного еще в конце XVIII в. Казахские религиозные общины изымались из его ведения и передавались в компетенцию МВД, на региональном уровне – военным губернаторам областей и степному генерал-губернатору. Это обстоятельство предопределило активное включение властных структур в процесс взаимодействия с мусульманским населением Степного края.

Практики коммуникации органов власти Российской империи с различными социальными группами достаточно детально представлены в исторической литературе. В ней отмечается, что происходило поэтапное развитие центральных и региональных структур, нацеленных на взаимодействие с обществом [Гражданская идентичность..., 2007; Миронов, 2009; Гайдученко, 2014; Ремнев, 2015; Савичева, 2020; Лыскова, 2007]. Анализируются различные фор-

¹ РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 603. Л. 14 об. – 15.

маты работы власти – как с отдельными гражданами, так и с общественными объединениями, – которые представляли собой «столкновения разного рода имперских, национальных, социальных, экономических и культурных практик» [Ремнев, 2004]. Отдельное внимание в историографии уделяется истории Особых межведомственных и Частных совещаний, собиравшихся, в том числе, для решения духовных аспектов развития мусульманских общин с привлечением их представителей [Хасаншин, 2020; Плахотник, 2020].

Вопросы взаимодействия органов власти с казахскими мусульманскими общинами Степного края во второй половине XIX – начале XX в. в исторической литературе представлены фрагментарно. Отдельные аспекты и механизмы данной коммуникации рассматриваются в контексте исследований этноконфессиональной политики Российской империи в регионе [Ланда, 1995; Каппелер, 1996; Исхаков, 2004; Лысенко и др., 2014]. Настоящее исследование представляет попытку восполнить данный историографический пробел.

Для подготовки статьи привлекались материалы делопроизводства центральных и региональных органов государственной власти – МВД, Канцелярии Степного генерал-губернатора и военных губернаторов Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областей. Среди них: межведомственная переписка, отчеты о работе Особых и Частных совещаний, всеподданнейшие отчеты степного генерал-губернатора, прошения, ходатайства и петиции казахского населения, протоколы заседаний областных правлений и присутствий, мнения отдельных чиновников по запрашиваемым вопросам. Основной массив источников выявлен в РГИА и ЦГА РК и впервые вводится в научный оборот. Кроме этого привлекались делопроизводственные материалы, опубликованные в документальных сборниках. В статье использовался историко-генетический метод, позволивший определить спектр проблем духовной жизни казахского населения Степного края. Историко-сравнительный метод позволил выявить практики взаимодействия органов власти и мусульманских общин исследуемого региона, зафиксировать системность и коммуникативность действий имперской власти и общественных сил в их решении.

Последовательное распространение на протяжении второй половины XIX в. на мусульманское общество Степного края общеимперского законодательства, регламентировавшего духовную сферу, способствовало установлению новых практик его взаимодействия с центральными и региональными властными структурами. Их спектр определялся своеобразием данного законодательства, для которого, как отмечают исследователи, «было характерно наличие значительного количества правовых норм, которые принято считать ограничительными» [Лысенко и др., 2014, с. 144].

Так, по Временным положениям об управлении степными областями 1868 и 1891 гг., мусульманские общины региона были разделены по этническому признаку. Вопросы открытия татарскими обществами новых мечетей, мектебов и медресе, назначения в них мулл и мударисов, как указывалось выше, оставались в ведении Оренбургского мусульманского духовного собрания².

Казахские мусульманские общины по Положениям 1868 и 1891 гг. стали подведомственны МВД и военным губернаторам степных областей. На должность волостного муллы избирались только казахи, при этом утверждались и устранялись от должности решением военных губернаторов областей. Их число ограничивалось – по Положениям разрешалось иметь в каждой волости по одному мулле. Они также отстранялись от ведения метрических книг, рассмотрения брачных и семейных дел, которые передавались в ведение народного бийского суда, обязаны были выплачивать налоги и нести повинности наравне с остальным населением. Вмешательство мулл в названные дела расценивалось как самовольное присвоение власти [Лысенко, 2019].

Строительство мусульманских культовых учреждений в Акмолинской и Семипалатинской областях осуществлялось после официального разрешения со стороны Степного гене-

² РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 634. Л. 1 об.

рал-губернатора, в Уральской и Тургайской – Министерства внутренних дел. Законодательно ограничивался рост численности мечетей, их разрешалось иметь не более одной на волость. Мусульманские общины обязывались содержать мечети и духовных лиц³.

Ограничительные тенденции законодательства в сфере регламентации духовной жизни казахского населения объективно способствовали росту его этнического сознания, усилению процессов этнической интеграции и осознанию своей конфессиональной принадлежности к мусульманам Российской империи. Поэтому на протяжении второй половины XIX в. фиксировались процессы исламизации казахского общества, что выражалось в активизации его стремлений к открытию новых мечетей, мектебов, совершению паломничества к святым местам. В практической плоскости это нашло выражение в установлении постоянной коммуникации с властными структурами Степного края, основной формой ее взаимодействия стали прошения.

Как свидетельствуют архивные данные, наибольшее количество прошений мусульманских казахских обществ в 70–90-е гг. XIX в. было связано с открытием новых мечетей и назначением в них мулл. Согласно ст. 99 Степного положения от 1891 г. возведение мечетей в Акмолинской и Семипалатинской областях санкционировалось степным генерал-губернатором. Устав строительный 1893 г. устанавливал процедуру данной санкции. Мусульманскому обществу необходимо было представить приговор / решение, в котором подтверждалась его готовность возводить здание мечети на собственные средства, как и содержать муллу при ней. Законом также предусматривалось, что в проектируемой к открытию мечети «должно быть прихожан не менее 200 чел м. п.». Строительство мечети разрешалось в тех регионах, где не проживали новокрещенные христиане, бывшие мусульмане. Просители в рамках Устава строительного должны были с пакетом документов в канцелярию степного генерал-губернатора предоставить план будущей мечети, подписанный областным архитектором. Для этого в Российской империи были разработаны и изданы типовые планы мечетей, распространенные в регионах с проживанием мусульманского населения.

Делопроизводственные документы МВД свидетельствуют о том, что региональные власти до конца XIX в. достаточно часто «ввиду постоянного стремления правительства к ограничению дальнейшего развития исламизма среди казахов не признавало возможным удовлетворять» ходатайства об открытии мечетей в аулах. Это порождало массовое строительство мечетей в степи без официального разрешения властей. По факту выявления незаконного строительства мечетей, военные губернаторы назначали «служебное разбирательство», по результатам которого составлялся акт. На его основании губернатор принимал решение о закрытии мечети, о чем он был обязан извещать мусульманскую общину⁴.

В начале XX столетия от контроля за процессом строительства мечетей отказались. Это было связано с либерализацией жизни российского общества в постреволюционный период. Кроме того, у региональной администрации отсутствовала возможность контроля процесса строительства мечетей. Поэтому в практике Департамента духовных дел иностранных исповеданий (ДДДИИ) МВД имели место случаи, когда в Уральской и Тургайской областях разрешалось беспрепятственное строительство второй мечети в одной волости⁵.

Центральные органы власти были вынуждены также принимать участие в разбирательствах нестандартных ситуаций, связанных с открытием мечетей и медресе. Так, в октябре 1905 г. через военного губернатора Тургайской области А. А. Ломачевского к министру внутренних дел с докладной запиской обратились представители казахов Тургайской области Баймухаммед Наурузбаев, Бермухаммед Алдаиаров и Ильджан Уразов. В ней они жаловались на региональную администрацию и нарушения ею прав казахов «в совершении общественного богослужения в частновладельческих молитвенных домах и опечатания полицией подобных заведений». Ссылаясь на пункт 6 Высочайшего указа 12 декабря 1904 г. «о приня-

³ ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 1383. Л. 32; РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 624. Л. 69–81.

⁴ РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 631. Л. 168 – 169 об.

⁵ Там же. Оп. 133. Д. 499. Л. 142 – 143 об.

тии мер к установлению в религиозном быту иноверцев всякого прямо в законе неустановленного стеснения», уполномоченные от казахской мусульманской общины «ходатайствовали о предписании Тургайскому областному начальству не препятствовать казахам совершать общественные молитвы в молельнях и молитвенных домах, не опечатывать их и не привлекать за это к ответственности»⁶.

ДДДИИ МВД для уточнения сведений, изложенных в ходатайстве, обратился к военному губернатору Тургайской области с просьбой о разъяснении ситуации. Через месяц, в декабре 1905 г. А. А. Ломачевский представил ответ, в котором подтвердил все перечисленные в ходатайстве случаи как «имевшие место». При этом военный губернатор подчеркивал, что в своих действиях он придерживался указаний МВД и действовал в рамках установленного законодательства⁷.

Ответ А. А. Ломачевского не удовлетворил ДДДИИ МВД. В июле 1906 г. Департамент сделал запрос в Министерство юстиции о правомочности действий региональной администрации⁸. В конце сентября 1906 г., после анализа полученного заключения, Департамент направил военному губернатору Тургайской области А. А. Ломачевскому итоговое решение по ходатайству казахов Тургайской области Баймухамеда Наурузбаева, Бермухамеда Алдиярова и Ильджана Уразова. В нем подчеркивалось, что региональная администрация действовала в рамках закона и предписаний МВД, поэтому жалоба признавалась необоснованной». Заключение ДДДИИ МВД направлялось просителям⁹.

В Акмолинской и Семипалатинской областях решение об открытии новых мечетей, согласно действующему законодательству, принимал степной генерал-губернатор. Однако казахская мусульманская община имела возможность обжаловать это решение в вышестоящей инстанции – МВД или Правительственном сенате. Примером может служить история с преобразованием мечети г. Акмолинска в соборную. В 1898 г. ее прихожане – татарская мусульманская община – обратились с прошением к военному генералу Акмолинской области¹⁰. В марте 1899 г. военный губернатор признал ходатайство «не заслуживающим внимания», на том основании, что данный вопрос не входит в его сферу администрирования. В 1902 г. аналогичное прошение было направлено степному генерал-губернатору Н. Сухотину, который также «не признал возможным удовлетворить означенное ходатайство»¹¹.

После этого мусульмане Акмолинска через своего доверенного А. Рябова направили жалобу в Правительственный сенат «на отказ акмолинского военного губернатора и степного генерал-губернатора в удовлетворении ходатайства о переименовании мечети из простой в соборную». Правительственный сенат, как свидетельствуют архивные данные, дважды рассматривал поступившее прошение-жалобу – в 1902 и 1906 гг. Окончательное решение Правительственного сената по данному прошению выявить не удалось. Судя по архивным документам, в 1906 г. оно было принято и доверенному А. Рябову поручалось довести его до мусульман мечети г. Акмолинска. Однако выяснилось, что А. Рябов еще в 1905 г. выехал из страны в Маньчжурию¹².

Прошения паломников-казахов о выдаче заграничных паспортов для поездки в Мекку и Медину также стали одной из распространенных форм их взаимодействия с региональной администрацией. Как свидетельствуют материалы делопроизводства, масштабы обращений в местные органы власти с ходатайствами о выдаче заграничных паспортов увеличивались на протяжении второй половины XIX в. В 1901 г. степным генерал-губернатором было выдано

⁶ РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 631. Л. 137 – 137 об.

⁷ Там же. Л. 168 – 169 об.

⁸ Там же. Л. 171 – 171 об.

⁹ Там же. Л. 222 – 223 об.

¹⁰ ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 989. Л. 2 – 3 об.

¹¹ Там же. Л. 9 – 9 об.

¹² Там же. Л. 6.

224 разрешения на паломничество мусульман Акмолинской области, 156 паспортов паломникам Семипалатинской области.

Процедура получения загранпаспорта регламентировалась на законодательном уровне. Первоначально требовалось согласие аульного общества на паломничество своего сородича к святым местам. Поскольку путешествие занимало продолжительное время, аульное общество должно было подтвердить обязательства по выплате за паломника всех налогов. После получения такого согласия составлялось прошение от одного человека или группы лиц на имя уездного начальника с просьбой о выдаче загранпаспорта. Далее прошения поступали в областные правления, проводилась проверка просителей на предмет «благонадежности имперской власти»: имелись ли случаи их участия в антиправительственных действиях или иных нарушениях / преступлениях. Для региональных властей также важно было понимать, имеются ли у просителей средства на совершение длительного путешествия, проживание в святых местах и возвращение. После процедуры проверки личностей, прошения направлялись в канцелярию Степного генерал-губернатора. Военные губернаторы областей в сопроводительном письме главе региона представляли заключение о благонадежности просителя и отсутствии препятствий к паломничеству¹³.

Для оформления заграничного паспорта в уездных канцеляриях казахи выплачивали госпошлину в размере 10 руб. После получения загранпаспорта в канцелярии степного генерал-губернатора оформлялась расписка, в которой паломники обязывались совершить поездку по определенному российским законодательством маршруту «морским путем через черноморские порты Российской империи» и «возвратиться в пределы той же империи также морским путем не иначе, как через Феодосию»¹⁴.

Анализ делопроизводственной документации канцелярии Степного генерал-губернатора позволяет сделать вывод о своевременном рассмотрении прошений от казахов-паломников и выдаче им загранпаспортов в указанные в прошениях сроки. Отказы делались в том случае, если областная администрация находила препятствия к совершению поездки. Но таких дел встречено в архивах в небольшом количестве. Принятие прошений о паломничестве уездными правлениями Степного края было приостановлено лишь однажды, в конце 90-х гг. XIX в., что было связано с эпидемией чумы на Ближнем Востоке¹⁵.

В начале XX в. среди мусульманского населения Степного края усиливались процессы их интеграции в общеимперское мусульманское движение. События Первой русской революции и последовавшие выборы в Первую Государственную думу, значительно активизировали деятельность мусульманских общин региона в сфере расширения их религиозных прав и устранения правовых ограничений в духовной жизни.

Важным результатом революционных событий 1905–1907 гг. стало утверждение 4 марта 1906 г. императором Николаем II Временных правил об обществах и союзах. Правила упрощали процедуру регистрации общественных, в том числе религиозных, организаций. Согласно ст. 2 для этого не требовалось правительственного разрешения, достаточно было обратиться к региональным органам власти. Мусульмане Степного края активно использовали данные возможности, что способствовало интенсификации их отношений с местной администрацией.

Так, в январе 1908 г. на имя губернатора Тургайской области И. М. Страховского поступило заявление от жителей Актюбинска с просьбой о регистрации мусульманского просветительно-благотворительного общества. Инициатива открытия общества принадлежала лидерам татарской диаспоры Актюбинска А. Морозову, С. Г. Алюкову, Г. С. Губайдуллину, М. Г. Далатказину, Ф. Ф. Забирову, З. Ш. Шарафутдинову¹⁶. Год спустя после регистрации общества Актюбинска, в 1910 г., на основании проведенного «местного дознания» И. М. Стра-

¹³ ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 982. Л. 16.

¹⁴ Там же. Л. 85.

¹⁵ Там же. Ф. 25. Оп. 1. Д. 567. Л. 14 об.

¹⁶ Там же. Д. 797а. Л. 1.

ховской, воспользовавшись правом, которое ему предоставляли Временные правила об обществах и союзах (ст. 33, 36), отдал распоряжение о его закрытии¹⁷.

Лидеры Актюбинского мусульманского общества, получив уведомление о закрытии на основании ст. 38 Временных правил, обратились в Первый департамент Правительствующего сената с ходатайством об обжаловании принятого Тургайским областным присутствием решения. За этим последовало разбирательство, длившееся до весны 1911 г. Как свидетельствуют архивные данные, оно сопровождалось интенсивной перепиской, в которую были вовлечены фактически все административные звенья региональной власти – от уездной до областной. В результате Правительствующий сенат признал действия областного правления обоснованными и подтвердил правомочность закрытия общества¹⁸. После этого мусульманская община Актюбинска еще дважды, в октябре 1912 г. и январе 1913 г., обращалась с ходатайством к губернатору Тургайской области о регистрации ее просветительно-благотворительного общества, но безрезультатно [Лысенко и др., 2014].

Следует отметить, что обращение религиозных мусульманских организаций с ходатайствами о регистрации к местным органам государственной власти имели место и в других областях Степного края. Однако, в отличие от положительно решаемых вопросов о строительстве новых мечетей, открытии мектебов и назначении новых мулл, ни одно из ходатайств об учреждении мусульманских общественных организаций не было удовлетворено.

Данная ситуация объясняется исследователями стремлением региональной власти следовать официальному курсу сдерживания исламизации Степного края. Наиболее ярко данная позиция проявилась во взаимодействии с мусульманскими общинами Степного края в вопросе о создании отдельного духовного управления. Как отмечалось выше, духовные дела казахов-мусульман с 60-х гг. XIX в. были изъяты из ведения Оренбургского мусульманского духовного собрания. Уже в 80-е гг. XIX столетия от казахского населения в государственные инстанции стали поступать прошения с просьбами об открытии для них «особого муфтия и духовного собрания». Так, прошения по этому вопросу от мусульман Уральской и Тургайской областей поступали в ДДДИИ и министру внутренних дел Д. А. Толстому дважды в 1888 и 1891 гг. (Традиционное казахское общество..., 2014, с. 307).

МВД делало запрос военным губернаторам тех областей, из которых поступали прошения. Последние готовили заключение, в котором, как правило, подчеркивали необоснованность данных ходатайств (Традиционное казахское общество..., 2014, с. 309). После получения разъяснений ДДДИИ МВД делал заключение и направлял его в канцелярию военных губернаторов областей с предписанием направить в адрес просителей. Некоторые из переданных в МВД ходатайств даже не рассматривались.

В годы Первой русской революции прошения и петиции об открытии духовного правления от мусульманского населения Степного края приняли систематический характер. Данная проблема стала рассматриваться в казахском обществе как общеэтническая задача. Поэтому представители казахских мусульманских общин демонстрировали в этом вопросе консолидацию и сплоченность, готовили коллективные обращения, ходатайства, всепокорнейшие просьбы к органам власти от нескольких волостей, и даже волостей нескольких уездов и областей. Прогнозы направлялись лично императору, в ДДДИИ МВД, Совет министров и Правительственный сенат. Примером могут служить поданные одновременно 10 петиций от казахов-мусульман 26 волостей Акмолинского и Петропавловского уездов Акмолинской области, волостей Семипалатинской области, г. Семипалатинска в 1905 г. на имя министра внутренних дел с ходатайством перед правительством об изменении порядка управления духовными делами (Этнополитические и этносоциальные процессы..., 2016, с. 26–27).

Такое консолидированное обращение казахов-мусульман в МВД было связано с предстоящей работой Особого совещания при Кабинете министров. Оно созывалось для разработки новых нормативно-правовых актов, направленных на регламентацию функционирова-

¹⁷ ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 797а. Л. 16 об. – 17.

¹⁸ Там же. Л. 31.

ния религиозных общин неправославного исповедания с учетом утвержденного в апреле 1905 г. Указа об укреплении начал веротерпимости. Помимо прочих вопросов, на Совещании планировалось рассмотреть возможности и целесообразность учреждения особых духовных правлений для казахов Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областей, а также для мусульманских общин Северного Кавказа, Туркестанского края [Лысенко и др., 2014].

Игнорировать, как это было в 80–90-е гг. XIX в., массовые прошения казахов-мусульман об учреждении особого духовного управления государственные органы власти не могли. Данный вопрос действительно рассматривался в ходе работы Особых межведомственных совещаний по делам веры в 1905–1906, 1910 и 1914 гг. [Арапов, 2001; Алпыспаева и др., 2021]. Положительного решения так и не было принято. Однако Особые совещания признавали нормы Степного положения 1892 г. «стеснительными для духовной жизни казахов», что, безусловно, следует считать существенным результатом коммуникации казахских мусульманских общин Степного края с органами власти.

Ситуация, возникшая вокруг вопроса об особом управлении мусульман Степного края, не могла оставить в стороне региональные органы власти. Это привело к возникновению совершенно уникальной для региона формы коммуникации администрации с казахскими мусульманскими общинами – Частному собранию, состоявшемуся при степном генерал-губернаторе И. П. Надарове 20 мая 1907 г. (Труды Частного Совещания..., 1908).

Следует отметить, что достигнутые на Совещании решения между региональной администрацией и казахским населением не имели юридической силы. Однако сам факт готовности региональной администрации обсуждать проблемы казахского общества в присутствии его представителей свидетельствовал о готовности власти к диалогу. Кроме того, результаты дискуссии планировалось донести до вышестоящих инстанций и использовать при разработке законопроектов, затрагивающих вопросы мусульман Степного края. Региональные органы власти представляли чиновники администрации генерал-губернатора, финансово-налоговых, судебных структур, Переселенческого управления и Комитета государственного земледелия и государственных имуществ, Министерства народного просвещения – всего 20 человек. От казахского населения в работе Частного совещания принимали участие 12 уполномоченных, по 2 человека от каждого уезда Акмолинской и Семипалатинской областей (Труды Частного Совещания..., 1908, с. 2–3).

Вопросы духовно-религиозного быта казахского народа рассматривались в третьей Комиссии Частного совещания. Чиновники региональной администрации поддержали предложение об открытии муфтиата для казахов Степного края. В ходе дискуссии были выработаны общие подходы в вопросах открытия новых мечетей, формирования штата духовных мусульманских лиц, знания ими русского языка и т. д. (Труды Частного Совещания..., 1908, с. 34–45).

Предметом обсуждения в ходе работы Совещания также стали утвержденные в марте 1906 г. Министерством народного просвещения «Правила о начальных училищах для инородцев, живущих в Восточной и Юго-Восточной России». Правила предусматривали введение в инородческих школах всех типов, в том числе мусульманских, русского языка в качестве обязательного предмета. К учителям предъявлялось требование знания русского языка и наличия диплома об окончании одноклассного училища Министерства народного просвещения. На заседаниях Частного совещания уполномоченные от казахов требовали отмены курса русского языка в мусульманской школе и обучения только на родном языке в арабской транскрипции. И, несмотря на то, что в данном вопросе региональная администрация отказалась поддержать позицию казахов, сам факт обсуждения проблемы повлиял на дальнейшую судьбу Правил 1906 г. Как отмечают исследователи, «на фоне событий Первой русской революции всероссийское мусульманское движение, направленное против Правил 1906 г., вынудило правительство приостановить их действие в пределах всей Российской империи» [Исхаков, 2004]. Новая редакция «Правил о начальных училищах для инородцев, живущих

в восточной и юго-восточной России» 1907 г. предусматривала вывод мусульманской школы из подведомственного контроля Министерства народного просвещения.

Таким образом, со второй половины XIX в. вопросы духовного управления казахским мусульманским населением Степного края стали находиться в ведении МВД. Данное обстоятельство предопределило тот факт, что региональная администрация и ряд центральных министерств напрямую были связаны с решением проблем их духовной жизни. В компетенции властных структур находились вопросы организации новых приходов и строительства культовых помещений, открытия конфессиональных школ и религиозно-благотворительных обществ, паломничества верующих к святым местам. Основной формой взаимодействия властных органов и казахских мусульманских общин стали прошения или ходатайства, с последующим их поэтапным рассмотрением и принятием решения.

В начале XX в. на волне революционных событий 1905–1907 гг. казахские мусульманские общины стали демонстрировать консолидацию в решении проблем духовной жизни. Появилась новая форма коммуникации с органами государственной власти – петиции. Это были массовые обращения, в которых содержался перечень требований от мусульманских общин нескольких волостей, уездов и областей Степного края. В петициях по-прежнему затрагивались вопросы строительства новых мечетей и мектебов, назначения духовных лиц. Однако центральное место в них занимал вопрос об открытии особого духовного правления для казахов-мусульман. Именно его решению были посвящены Особые и Частные совещания, ставшие новой формой взаимодействия имперской управленческой элиты с мусульманским населением Степного края. Совещания были призваны снизить этническую напряженность в регионе и продемонстрировать казахскому обществу готовность властей решать его духовные проблемы, при этом активно взаимодействуя с ним.

В целом отметим, что казахское мусульманское население было достаточно активно во взаимодействии с государственными органами власти. Оно пользовалось всеми возможными механизмами, обращаясь со своими проблемами как в региональные, так и в центральные органы власти. Делопроизводство управленческих структур позволяет сделать вывод о своевременной рефлексии администраций на поступающие обращения, готовности их решать в установленные законом сроки и на основе нормативных актов, регламентировавших духовную жизнь мусульман Российской империи. В итоге можно говорить о конструктивном диалоге властей с мусульманскими общинами Степного края.

Список литературы

- Алпыспаева Г. А., Жуман Г., Саяхимова Ш. Н., Джумалиева Л. Т.** Несостоявшиеся законопроекты по «мусульманскому вопросу» в степных областях и Туркестанском крае (конец XIX – начало XX в.) // Былые годы. 2021. № 16 (2). С. 799–811.
- Арапов Д. Ю.** Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика). М.: Академкнига, 2001. 367 с.
- Гайдученко Т. Н.** Эволюция видов обращений граждан в истории России // Документ. Архив. История. Современность: Материалы V Междунар. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 2014. С. 46–49.
- Гражданская идентичность и сферы гражданской деятельности в Российской империи. Вторая половина XIX – начало XX века М.: РОССПЭН, 2007. 302 с.
- Исхаков С.** Российские мусульмане и революция. 1917–1918 гг. М.: Соц.-полит. мысль, 2004. 599 с.
- Каппелер А.** Россия – многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. М.: Прогресс, 1996. 379 с.
- Ланда Р. Г.** Ислам в истории России. М.: Вост. лит., 1995. 311 с.

- Лысенко Ю. А.** Позиция чиновников Оренбургского ведомства по вопросу правового регулирования духовной жизни казахов Уральской и Тургайской областей (40–80-е гг. XIX в.) // Народы и религии Евразии. 2019. № 20 (3). С. 128–138.
- Лысенко Ю. А., Анисимова И. В., Тарасова Е. В., Стурова М. В.** Традиционное казахское общество в национальной политике Российской империи: концептуальные основные механизмы реализации (вторая половина XIX – начало XX в.). Барнаул: Азбука, 2014. 272 с.
- Лыскова Е. И.** Становление и развитие института обращений граждан // Право и политика. 2007. № 3. С. 121–125.
- Миронов Б. Н.** Развитие гражданского общества в России в XIX – начале XX века // Общественные науки и современность. 2009. № 1. С. 110–126.
- Плахотник Т. Ю.** Частное совещание 1907 г. в образовательной деятельности администрации Степного края // Национальная ассоциация ученых. 2020. № 61. С. 17–19.
- Ремнев А. В.** Региональный нарратив в новой имперской истории России // Вестник Ом. ун-та. 2004. № 4. С. 6–13.
- Ремнев А. В.** Сибирь в имперской географии власти XIX – начала XX века. Омск: Изд-во ОмГУ, 2015. 577 с.
- Савичева А. Р.** Исторический процесс становления института обращений граждан в России // Фундаментальные и прикладные научные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации: Сб. ст. XXXI Междунар. науч.-практ. конф. Пенза, 2020. С. 200–202.
- Хасаншин Г. Р.** Особые межведомственные совещания 1905-1914 гг. как центры обсуждения «татаро-мусульманского вопроса» в Волго-Уральском регионе: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2020. 25 с.

Список источников

- Традиционное казахское общество в национальной политике Российской империи: концептуальные подходы и механизмы реализации (XIX – начало XX в.). Барнаул: Азбука, 2014. 582 с.
- Труды Частного Совещания, созванного 20-го мая 1907 г. Степным генерал-губернатором по вопросам о нуждах киргизов Степного края. Омск, 1908. 93 с.
- Этнополитические и этносоциальные процессы в центральноазиатских окраинах России в период революций 1917 г. и первые годы советской власти. Документы и извлечения. Барнаул: Азбука, 2016. 459 с.

References

- Alpyspaeva G. A., Zhuman G., Sayakhimova Sh. N., Dzhumaliev L. T.** Nesostoyavshiesya zakonoproekty po «musul'manskomu voprosu» v stepnykh oblastiakh i Turkestanskom krae (konets XIX – nachalo XX v.) [Failed Draft Laws on the “Muslim Issue” in the Steppe Regions and the Turkestan Region (Late 19th – Early 20th Century)]. *Bylye Gody*, 2021, no. 16 (2), pp. 799–811. (in Russ.)
- Arapov D. Yu.** Islam v Rossiiskoi imperii (zakonodatel'mye akty, opisaniya, statistika) [Islam in the Russian Empire (Legislative Acts, Descriptions, Statistics)]. Moscow, Akademkniga, 2001, 367 p. (in Russ.)
- Gaiduchenko T. N.** Evolyutsiya vidov obrashchenii grazhdan v istorii Rossii [The Evolution of the Types of Citizens' Appeals in the History of Russia]. In: Dokument. Arkhiv. Istoriya. Sovremennost': materialy V Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii [Document. Archive. Story. Modernity: Proceedings of the 5th International Scientific-Practical Conference]. Yekaterinburg, 2014, pp. 46–49. (in Russ.)

- Grazhdanskaya identichnost' i sfery grazhdanskoj deyatelnosti v Rossijskoj imperii. Vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka [Civic Identity and Spheres of Civic Activity in the Russian Empire. The 2nd Half of the 19th – the Beginning of the 20th Century]. Moscow, ROSSPEN, 2007, 302 p. (in Russ.)
- Iskhakov S.** Rossijskie musul'mane i revolyutsiya. 1917–1918 gg. [Russian Muslims and the Revolution. 1917–1918]. Moscow, Sotsialno-politicheskaya mysl', 2004, 599 p. (in Russ.)
- Kappeler A.** Rossiya – mnogonatsional'naya imperiya. Vozniknovenie. Istoriya. Raspad [Russia is a Multi-ethnic Empire. Emergence. History. Decay]. Moscow, Progress Publ., 1996, 379 p. (in Russ.)
- Khasanshin G. R.** Osobyje mezhdvedomstvennye soveshchaniya 1905-1914 gg. kak tsentry obsuzhdeniya "tataro-musul'manskogo voprosa" v Volgo-Ural'skom regione [Special Inter-departmental Meetings of 1905–1914 as Discussion Centers of the "Tatar-Muslim Issue" in the Volga-Ural Region]. Abstract Diss. Cand. Hist. Sci. Kazan, 2020, 25 p. (in Russ.)
- Landa R. G.** Islam v istorii Rossii [Islam at the Russian History]. Moscow, Vostochnaya literatura, 1995, 311 p. (in Russ.)
- Lysenko Yu. A., Anisimova I. V., Tarasova E. V., Sturova M. V.** Traditsionnoe kazakhskoe obshchestvo v natsional'noi politike Rossijskoj imperii: kontseptual'nye osnovnye mekhanizmy realizatsii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) [Traditional Kazakh Society in the National Policy of the Russian Empire: Conceptual Basic Implementation Mechanisms (2nd Half of the 19th – Early 20th Century)]. Barnaul, Azbuka Publ., 2014, 272 p. (in Russ.)
- Lysenko Yu. A.** Pozitsiya chinovnikov Orenburgskogo vedomstva po voprosu pravovogo regulirovaniya dukhovnoj zhizni kazakhov Ural'skoj i Turgaiskoj oblastei (40–80-e gg. XIX v.) [The Position of Officials of the Orenburg Department on the Legal Regulation of the Spiritual Life of the Kazakhs of the Ural and Turgai Regions (40s – 80s of the 19th Century)]. *Narody i religii Evrazii* [Nations and Religions of Eurasia], 2019, no. 20 (3), pp. 128–138. (in Russ.)
- Lyskova E. I.** Stanovlenie i razvitie instituta obrashchenii grazhdan [Formation and Development of the Institution of Citizens' Appeals]. *Pravo i politika* [Law and Politics], 2007, no. 3, pp. 121–125. (in Russ.)
- Mironov B. N.** Razvitie grazhdanskogo obshchestva v Rossii v XIX – nachale XX veka [On Development of Civil Society in Russia in the 19th – Beginning of the 20th Century]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Contemporary World], 2009, no. 1, pp. 110–126. (in Russ.)
- Plakhotnik T. Yu.** Chastnoe soveshchanie 1907 g. v obrazovatel'noi deyatelnosti administratsii Stepnogo kraja [Private Meeting of 1907 in the Educational Activities of the Administration of the Steppe Territory]. *Natsional'naya assotsiatsiya uchenykh* [National Association of Scientists], 2020, no. 61, pp. 17–19. (in Russ.)
- Remnev A. V.** Regional'nyi narrativ v novoi imperskoj istorii Rossii [The Regional Narrative in the New Imperial History of Russia]. *Vestnik Omskogo universiteta* [Omsk University Bulletin], 2004, no. 4, pp. 6–13. (in Russ.)
- Remnev A. V.** Sibir' v imperskoj geografii vlasti XIX – nachala XX vekov [Siberia in the Imperial Geography of Power in the 19th – Early 20th Centuries]. Omsk, Izdatel'stvo OmGU, 2015, 577 p. (in Russ.)
- Savicheva A. R.** Istoricheskii protsess stanovleniya instituta obrashchenii grazhdan v Rossii [The Historical Process of the Formation of the Institution of Citizens' Appeals in Russia]. In: *Fundamental'nye i prikladnye nauchnye issledovaniya: aktual'nye voprosy, dostizheniya i innovatsii. Sbornik statej XXXI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Fundamental and Applied Scientific Research: Current Issues, Achievements and Innovations. Proceedings of the 31st International Scientific-Practical Conference]. Penza, 2020, pp. 200–202. (in Russ.)

List of Sources

- Etnopoliticheskie i etnosotsial'nye protsessy v tsentral'noaziatskikh okrainakh Rossii v period revolyutsii 1917 g. i pervye gody sovetskoj vlasti. Dokumenty i izvlecheniya [Ethnopolitical and Ethnosocial Processes in the Central Asian Outskirts of Russia during the Russian Revolution of 1917 and the First Years of Soviet Regime. Documents and Extracts]. Barnaul, Azbuka Publ., 2016, 459 p. (in Russ.)
- Traditsionnoe kazakhskoe obshchestvo v natsional'noi politike Rossiiskoi imperii: kontseptual'nye podkhody i mekhanizmy realizatsii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) [Traditional Kazakh Society in the National Policy of the Russian Empire: Conceptual Approaches and Implementation Mechanisms (2nd Half of the 19th – Early 20th Century)]. Barnaul, Azbuka Publ., 2014, 582 p. (in Russ.)
- Trudy Chastnogo Soveshchaniya, sozvanogo 20-go maya 1907 g. Stepnym general-gubernatorom po voprosam o nuzhdakh kirgizov Stepnogo kraja [Proceedings of the Private Meeting Convened on May 20, 1907 by the Steppe Governor-General on the Needs of the Kirghiz of the Steppe Krai]. Omsk, 1908, 93 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Юлия Александровна Лысенко, доктор исторических наук, профессор
Scopus Author ID 56358251500
WoS Researcher ID U-3621-2019

Information about the Author

Yuliya A. Lysenko, Doctor of Sciences (History), Professor
Scopus Author ID 56358251500
WoS Researcher ID U-3621-2019

*Статья поступила в редакцию 27.08.2023;
одобрена после рецензирования 06.09.2023; принята к публикации 16.09.2023
The article was submitted on 27.08.2023;
approved after reviewing on 06.09.2023; accepted for publication on 16.09.2023*